

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ...

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий ПРО КРИТИКУ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ*

Швейк тщетно старался завязать разговор с ефрейтором и по-дружески объяснить ему, почему ефрейторов называют ротной язвой.

Я. Гашек

1. Преамбула

Вид художественной литературы, именуемый научной фантастикой, существует. Другое дело, что многочисленные попытки теоретически отграничить научную фантастику от других видов художественной литературы не привели к сколько-нибудь определенным результатам. Мы поэтому исходим из предположения, что нормальный человек интуитивно улавливает разницу между, скажем, «Искателями» Гранина и «Туманностью Андромеды» Ефремова и между «Аэлитой» Толстого и народной русской сказкой про Лихо Одноглазое. Итак, научная фантастика существует. Она существует для того, чтобы удовлетворить

* «Исследование-декларация» (по авторскому определению), написанное в 1962 г. и частично вошедшее затем в статью «О советской фантастике». Эти работы так и не дошли в то время до читателя и были опубликованы лишь много лет спустя — в первой половине 90-х. — *Примеч. составителя.*

Источник: Стругацкий А., Стругацкий Б. Куда ж нам плыть? — Волгоград, 1991 (первопубликация).

естественное стремление человека к необычному, будить воображение, утолять любознательность. Это специфическая цель научной фантастики, и это знает каждый фантаст. (Хотя до сих пор еще попадаются скучные личности, которые хотят, чтобы научная фантастика выполняла функции учебников для средней школы.)

Чтобы покончить с банальными истинами, приведем еще две.

1. Современная научная фантастика отягощена многочисленными недостатками.

2. Тем не менее она является одним из наиболее массовых, наиболее читаемых видов литературы.

Отсюда следует тривиальный вывод: научной фантастике нужна доброкачественная критика.

2. Научная фантастика, какой ее видим мы

Начнем с того, что с нашей точки зрения нет принципиальной разницы между научной фантастикой и другими видами литературы и между работой писателя-фантаста и любого другого писателя-беллетриста. Как и всякий вид литературы, научная фантастика не однородна, она содержит ряд различных идейно-тематических течений. Вот некоторые из них: судьбы величайших изобретений и открытий современной науки; создание образа человека будущего — романтического героя; создание образа обыкновенного человека будущего, принципиально не отличающегося от героя нашего времени; создание гротескных ситуаций, как следствий столкновения человека с необычными свойствами природы. Как и любой честный писатель-беллетрист, писатель-фантаст в своем творчестве продлевает какую-то эволюцию, совершенствуется, иногда меняет взгляды. Писатель-фантаст, начиная работать над произведением, ставит перед собой определенную задачу, вытекающую из его взглядов и вкусов, и решает ее характерными для себя средствами, применяя ему одному присущие методы воздействия на читателя.

Как и в любом другом виде литературы, в научной фантастике правомерны все проводимые идеи и все разрабатываемые темы (за исключением, разумеется, идей и тем, противоречащих коммунистическому мировоззрению). О критике речь еще будет впереди, но заметим, что как и всякий писатель-беллетрист, фантаст крепко держится за свои взгляды, и если критика не способна эти взгляды изменить, то это между прочим может означать и слабость позиций критики. Отметим, наконец, что, как и в любом другом виде литературы, в научной фантастике есть случайные авторы и авторы-новички. Бывают и халтурщики — тоже как и в любом другом виде литературы.

Такова научная фантастика с нашей точки зрения, и возможностей для другой научной фантастики мы не видим.

3. Научная фантастика, как ее видят критики

Все, изложенное в предыдущем разделе, критика игнорирует. Вот как выглядит современная научная фантастика с точки зрения одной критикессы — с точки зрения, которая представляется нам довольно характерной.

«...Очень уж трудно обнаружить в... этих произведениях... индивидуальность пишущего, его личную особую тему. Попробуйте различить писателей-фантастов по голосам, попытайтесь найти в каждом из них своеобразие — у вас это вряд ли получится...» «...Большинство наших фантастов по большей мере озабочены только одним: они стараются писать как можно более фантастично, вовсе не заботясь о том, чтобы подняться «просто» до настоящей, хорошей литературы. Вот почему главное для них — некая гипотеза, а все остальное: характеры, конфликты, сюжет — не более чем «упаковка». «Берется набор стандартных ситуаций, характеристик героев, описаний — набор, напоминающий коробку с планками, винтами и колесиками из детского конструктора... Все это замешивается на дрожжах более или менее реальной научной гипотезы, потом выливается в многократно использованную форму

«новеллы ужасов», детектива, монолога «раскаявшегося скептика» или «пламенного энтузиаста» — и рассказ готов». Как видите, от первого абзаца предыдущего раздела не осталось камня на камне.

Не менее любопытные сведения о нашей научной фантастике мы узнаем из других критических работ. Безграмотными невеждами оказываются научные фантасты, коим по сюжетным надобностям потребовалось выскочить за пределы современных научных представлений. Скучными техниками оказываются, с другой стороны, те фантасты, сюжетные надобности коих позволили им существовать на грани возможного. Критики из среды самих научных фантастов изобретают прелюбопытные теории, суть которых сводится к тому, что лишь направление, представленное автором теории, является истинным, а остальные направления следует карать беспощадно. Вот и второй абзац предыдущего раздела разнесен в пыль.

Таким образом, общая картина борьбы критики против научной фантастики выглядит так. Берется вся научная фантастика — скажем, за последние три года. Заметьте, если мы говорим «вся» — это значит вся. Молодые и старые. Новички и маститые. Халтурщики и честные. Способные и бездары. Произведения 59-го года и произведения 61-го. Все смешивается в кучу. Из этой кучи, как изюм из батона, выбирается самое неудачное и подвергается осмеянию. При этом, как правило, происходят такие вот вещи. Например, кто-нибудь из этой кучи авторов страдает склонностью к штампам. Берут из него пример, поднимают этот пример на надлежащую сатирическую высоту и объявляют: «Вот они какие, эти нынешние фантасты!» Попробуй потом оправдайся... Но мы забежали вперед.

Такова научная фантастика, которую видит критика, и никакой другой она почему-то не видит.

4. Критика, какой ее видим мы

Интересно, что бы сказал А. Н. Толстой, если бы увидел на третьей полосе какой-либо литературной газеты такую заметку:

НЕ ТО!

Я не раз пытался представить себе образ честного интеллигента, принявшего Октябрьскую Революцию. В воображении возникали образы самоотверженных людей, проводивших дни и ночи в тифозных бараках, с воспаленными от бессонницы глазами заседающих у Луначарского, беззаветно идущих в бой за молодую Республику.

Счастливый случай помог мне избавиться от заблуждений. Я прочитал книгу А. Н. Толстого «Восемнадцатый год». И теперь доподлинно знаю, чем занималась интеллигенция в дни Революции... Конец семнадцатого года. Необычайные трудности испытывает молодая Республика. Рабочий Рублев с гранитного цоколя памятника Александру III агитирует солдат повернуть штыки в защиту революции. И вот «здесь же у памятника остановился по малой надобности широкоплечий человек с поднятым воротником. Кажется, он не замечал ни памятника, ни оратора, ни солдат с узлами». Позже оказывается, что это интеллигент Телегин. Вот он, образ честного интеллигента по А. Толстому! Он не проводит дни и ночи в тифозных бараках! Он справляет малую надобность, не замечая ничего вокруг!

(С иронией и жалостью:)

Хочется искренне поблагодарить редактора издательства, позволившего автору донести до нас живое дыхание великого прошлого.

Ж. Обмылкин, журналист

Классик советской литературы был бы наверняка удивлен таким лихим и странным толкованием образа Телегина. А вот нас, простых советских научных фантастов, этакой лейб-гусарской атакой в пешем строю — сабли наголо, на нижней губе изжеванная пахитоска, холодно и спокойно поблескивает голубоватое пенсне — не удивишь. Мы уже привыкли. Мы только слабо повизгиваем, когда нам в бок втыкают золоченую авторучку. Хочется иногда, конечно... но...

К сожалению, в советской научной фантастике не создано пока еще ни одного произведения, достойного стоять хотя бы полкой ниже «Восемнадцатого года». Вероятно, именно поэтому разбором научно-фантастических произведений никогда не занимаются генералы-от-критики. Их как-то не тянет. А может быть, они просто не знают, что есть у нас такая научная фантастика, в которой честно и профессионально работают уже несколько писателей. Редко-редко (и такие события отмечаются у фантастов иллюминацией и сатурналиями) величественно выступит с проблемной статьей критический майор или полковник. Обычно же критическим обслуживанием научной фантастики занимаются ефрейторы. Иногда унтер-офицеры. В порядке отхожего промысла. И вот берет автор научно-фантастического произведения какую-нибудь литературную (а то и экономическую) газету, распахивает ее на какой-нибудь странице, судорожно пробегает штурмовой опус Ж. Обмылкина, журналист-ефрейтора, похожий на хриплую команду: «Сдетьшинеля!», и жалобно стонет: «Ну за что же? Ну неужели он действительно не понял? Ну что за кретин!»

Представим себе, что при этой сцене присутствует сам журналист-ефрейтор. «Ты это брось, — с ленивой ухмылкой скажет он автору. — Чего там еще понимать? Все и так ясно». И, наверное, ему действительно все совершенно ясно. Небрежно, не глядя, берет он очередную научно-фантастическую повесть, бегло проглядывает ее, молча спешивается, обнажает саблю и идет в атаку. Таковы рефлексy критического лейб-ефрейтора.

Несколько (а в некоторых случаях и гораздо) более сложны рефлексy унтер-офицера. Если принципы ефрейтора характеризуются просто возгласом: «Р-руби!», то принципы всякого уважающего себя унтер-офицера всегда заключаются им в следующую стандартную схему:

- А. Наши ученые, одну за другой, завоевывают вершины науки.
- Б. Развитие науки вызывает огромный спрос на научную фантастику.
- В. И это не удивительно.

Г. В последнее время после долгого периода застоя научная фантастика наконец проснулась.

Д. Появились новые авторы (Иванов, Петров, Сидоров, А. Н. Лев-Толстой), которые очень увлекательно написали про завоевание Венеры, про завоевание недр Земли и про достижения геронтологии.

Е. Но все ли у нас благополучно?

Ж. Не все. Бытуют еще некоторые недостатки. Образов нет. Людей нет. Художественного вкуса нет. Мастерства нет. Ничего нет. Скучно. Грустно.

З. Хочется пожелать нашим фантастам еще больших успехов.

Если ефрейторы унижаются все-таки до атаки на одного отдельно стоящего автора, то унтер-офицеры, как мы уже говорили, никак не способны подняться до этого. Он критикует оптом, окружая и перемалывая сразу целые подразделения авторов. Очевидно, унтер-офицеру тоже все ясно. Он явно считает, что понимать тут нечего, и потрошит научную фантастику, не замечая, где кончается один автор и начинается другой.

Кто станет спорить, что критик имеет полное право расчленить и исследовать литературное произведение, а автор имеет не меньшее право жалобно закричать: «Увы мне, опять не поняли!» Это несомненно бесспорное положение становится спорным, когда речь заходит о научной фантастике. Вот мы считаем, что это положение следует распространить на научную фантастику. Мы считаем, что критику в любом случае невместно заявлять: «Чего-де там понимать? Все и так ясно».

Мы считаем, что научного фантаста тоже можно понять, а можно и не понять. Переведем это на привычный ефрейторам язык письменного приказа: «Критикам навсегда запомнить надлежит, что всякий честный писатель-фантаст — это прежде всего писатель, обремененный мыслями и идеями и удовлетворение свое ищущий «в освобождении от груза своих мыслей», как говаривал Моэм, и пишущий потому, что не может не писать».

Такова критика, которая у нас перед глазами, и другой критики мы не видим.

5. Критика, какой мы бы хотели ее видеть

(С приложением списка некоторых запрещенных приемов)

Мы боимся, что нам опять придется говорить банальности. По нашему глубокому убеждению, критикам следует работать так (мы хотим сказать, что если бы мы были критиками, мы работали бы именно так):

1. Заинтересоваться данной книгой. (Только не говорите нам, что в нынешней фантастике нечем интересоваться — мы все равно не поверим: мы же интересуемся. Есть, правда, критики, которые не любят научную фантастику вообще, — о них речи нет, пусть они критикуют то, чем они интересуются.)

2. Несколько раз внимательно прочитать книгу. (Иногда это бывает трудно, но это же ваша работа! Писать тоже трудно, уверяем вас.)

3. Постараться понять замысел автора. Путеводной звездой да послужит вам мысль о том, что таковой замысел наличествует почти всегда. (Тут, главное, не закричать еще над обложкой: «Чего там, все ясно!» Остальное пойдет как по маслу.)

4. Разобраться в художественных средствах, которыми пользуется автор для проведения своего замысла (при этом по возможности не стремитесь рассматривать каждый необычный эпизод как элемент разнузданного развлеченчества. Так, например, появление на страницах кошмарного чудища отнюдь не всегда задумывается автором-фантастом только для того, чтобы не дать заскучать читателю).

5. Оценить замысел и художественные средства и установить, насколько они соответствуют друг другу. Это самый существенный момент. Выяснение, как соотносятся форма и со...

Знаете, это все, наверное, уж слишком банально. Вы, вероятно, нас уже поняли, товарищи критики. По сути дела мы хотели бы только, чтобы вы были добросовестны. И еще. Есть такое понятие — запрещенный прием. На всякий случай список таковых мы прилагаем.

СПИСОК ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРИЕМОВ

1. Лихие наскоки журналист-ефрейторского типа. Нехорошо, нечестно выдирать из произведения одну-две строчки, обставлять выдрванное насмешливо-уличающей фразеологией и сбывать то, что получилось, неприхотливым редакторам. Нехорошо, например, взяв на рассмотрение известный тургеневский рассказ, тщательно выписать оттуда все, что говорит немой Герасим, язвительно заметить, что во всем могучем русском языке автор находит только одно мычание, и снести этот нехитрый опус в редакцию, озаглавив его «Ни му, ни му».

2. Обвинение научной фантастики в восьмом, девятом и прочих смертных грехах. Обычно этим занимаются критики, которые научную фантастику терпеть не могут и потому видят в ней источник разнообразных бед. Нехорошо, нечестно фантастов, по каким-то соображениям вышедших за пределы современных научных представлений, либо обвинять в подрыве достоинства науки, либо объявлять ответственными за появление прожекторов и всяких там перпетууммобилистов. Обвинения, при всей их нелепости, звучат очень обидно прежде всего потому, что практически каждый фантаст очень любит науку и презирает перпетууммобилистов. Современным фантастам остается утешаться мыслью о том, что в том же положении оказываются Гомер и Сирано де Бержерак, ответственные, по мнению нынешних критиков, за появление в отдаленные времена такой армии изобретателей вечного двигателя и искателей трисекции угла и квадратуры круга, что Парижская Академия наук вынуждена была отгородиться от нее специальным постановлением.

3. Унтер-офицерские шалости и передержки разных калибров. Например, передержка крупного калибра. Нехорошо, нечестно, взяв рассказ Уэллса «Яблоко» и кокетливо спутав цель с методом, объявить великого фантаста-реалиста мистиком-мракобесом на том основании, что в рассказе имеется одно яблоко с древа познания. А вот передержка калибром поменьше. Уцепиться за естественное желание какого-нибудь героя светлого будущего поспать, попить или поесть и торжествующе воскликнуть:

так вот каковы по мнению автора заветные стремления героев — покорителей иных планет! Нехорошо, нечестно.

Если критики откажутся хотя бы от этих трех перечисленных запрещенных приемов, то даже при прочих равных условиях мы увидим почти такую критику, какой мы хотели бы ее видеть.

6. Должны ли писатели заниматься критикой фантастики

В идеале — не должны. Писатели вообще гораздо более миролюбивы, чем критики. Но уж очень донимают иной раз ефрейторы и унтеры — без всякой, что самое печальное, пользы для себя и для других. И вот тогда писатель, потный от злости, хватается неуклюжую критическую рапиру и начинает неумело тыкать ею в серую критическую массу.

А теперь, расставаясь с читателями, хочется пожелать нашим критикам еще больших успехов.

Аркадий Стругацкий

«ДВИЖУЩЕЙ СИЛОЙ БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА ЯВИТСЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ДУХОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА»*

(Отрывок из выступления на встрече писателей-фантастов и ученых «Человек и будущее»)

В советской, да и в зарубежной фантастике о человеке будущего пишется еще очень мало. Каков будет он, этот человек? Очевидно, он будет лишен таких пережитков прошлого, как приобретательство, эгоизм, зависть. Зато в полной мере откроются его духовные возможности.

* **Источник:** Стругацкие о себе, литературе и мире (1959–1966). — Омск: МП «Щефей»: Омская обл. юнош. б-ка: КЛФ «Алькор», 1991. (Первопубликация: Техника — молодежи. — 1962. — № 12.)

И в этой связи задачи писателей-фантастов, как ни странно, усложняются. Как, например, показать конфликты между людьми будущего? В какой форме эти конфликты будут проявляться? Видимо, основой их будет та же борьба, но борьба не добра со злом, а... добра против добра.

В этих конфликтах будут сталкиваться два или несколько положительных героев, из которых каждый убежден и прав по-своему и в чистоте стремлений которых никто не сомневается. Они и в ожесточенных столкновениях останутся друзьями, товарищами, братьями по духу. На чьей же стороне будут в таком случае симпатии автора?

Проблема человека большая и сложная, над ней предстоит еще немало потрудиться писателям-фантастам.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий
ЧЕРЕЗ НАСТОЯЩЕЕ — В БУДУЩЕЕ*

(Выступление в дискуссии под рубрикой
«Мастерство писателя. Литература и наука»)

Если принять во внимание, что в наше время наука стала фактором первостепенного общественного значения, важнейшим аспектом Ее Величества Действительности, то вопрос «Писатель и наука» без труда сводится к не новому уже и по-прежнему сложному вопросу «Писатель и действительность». Но такая постановка вопроса слишком обща; она приводит к банальностям, вроде: «Неудержимо стремительный прогресс науки на глазах меняет повседневную жизнь...», «В своем стремительном развитии наука формирует у человека совершенно новое мироощущение...», «Возник и неудержимо растет массовый человек нового типа — научный работник...» и так далее. Поэтому мы позволим себе несколько сузить вопрос и поговорить на тему «Писатель-фантаст и наука». Сразу оговоримся,

* **Источник:** Стругацкие о себе, литературе и мире (1959—1966). — Омск: МП «Цефей»: Омская обл. юнош. б-ка: КЛФ «Алькор», 1991. (Первопубликация: Вопросы литературы. — 1964. — № 8.)

это вовсе не значит, что мы признаем за фантастикой какую-то особую жанровую специфику. Просто вопрос о роли науки в литературной фантастике ставится в последнее время как-то излишне остро.

Прежде всего, что такое писатель-фантаст? Пресса распространяет мнение, будто писатель-фантаст есть либо крылатый мечтатель, либо генератор идей, либо популяризатор и бард науки, либо то и другое и третье вместе. Он крылато мечтает о грядущих достижениях науки, исходя из достижений науки сегодняшнего дня. Он занят генерированием научных идей, которые впоследствии поразят потомков мощью и глубиной предвидения. Он популяризирует и воспекает науку, вплетая скучноватые специальные сведения в роскошный ковер яркого и острого сюжета. Можно согласиться с таким мнением, а можно и не согласиться. Мы, например, соглашаемся, но считаем, что оно далеко не исчерпывает многообразия фантастики. Проваливаются куда-то Уэллс, Лем, Брэдбери и, что самое обидное, последние повести братьев Стругацких.

Функциональные определения задач фантастики только мешают и сбивают с толку. Правда состоит в том, что писатель-фантаст — это прежде всего такой же писатель, как и все остальные, — обремененный мыслями и идеями, удовлетворение свое ищущий «в освобождении от груза своих мыслей» (как говорил Моэм), пишущий потому, что не может не писать. И фантастика является полноправным видом художественной литературы без всяких скидок на жанр, призванный отражать действительность в художественных образах. Только полезно помнить, что действительность — это не только мир вещей и событий, но и духовный мир человека, и мир общественного сознания; что отражать — вовсе не обязательно означает отражать в плоском зеркале; что художественный образ есть нечто, существенно зависящее от цели, поставленной автором перед собой. И отличие писателя-фантаста от «обычного» писателя состоит в том, что он пользуется методами, которые не применяли ни писатели-реалисты, ни Рабле, ни Гофман, ни Сент-Экзюпери в «Маленьком принце». Отличие только в методах.

Все это прекрасно, скажете вы. Но при чем здесь наука? Почему вас называют научными фантастами? Мы ответим: не знаем. Не знаем, почему до сих пор держится устаревший термин «научная фантастика». В лучшем случае он пригоден для определения одного из направлений фантастики. И мы понятия не имеем, почему у писателя-фантаста должны быть какие-то особые взаимоотношения с наукой, отличные от отношений с наукой любого другого писателя. Могут возразить: но ведь большинство фантастов являются научными работниками или инженерами. Это так. Но Гранин, Грекова и многие другие тоже пришли в литературу не из литературного института. Гранин и Грекова показывают психологию научного коллектива и тернистые пути научного поиска не менее убедительно, чем, скажем, Савченко и Войскунский с Лукодяновым. Отношения с наукой у них всех примерно одинаковые. Разные только методы работы. Хотя, заметьте, цели работы тоже одинаковые.

В идеале у всех писателей нашей страны отношения с теперешней «властительницей дум» должны быть такими же, как у Гранина и у Грековой. И не только потому, что новый ученый заявляет свои права на место в литературе наряду с другими, старыми героями нашего времени. Дело еще и главным образом в том, что только «короткая нога» с наукой, с научным мировоззрением, с философией науки позволяет сейчас раздвинуть рамки традиционных сюжетов литературы и заглянуть в новый, невиданный доселе мир гигантских человеческих возможностей, всепланетных тенденций, надежд и ошибок. Если можно так выразиться, «писатель-научник» может в литературе больше, чем «обыкновенный» писатель. Человек, не имеющий представления о самых общих закономерностях движения материи и общества, просто не может быть в наше время настоящим писателем. Ну что он нового скажет своему современнику, всюду побывавшему, острослову и умнице, открывателю миров и строителю морей? Современная литература высшего класса — это философская литература. Толстой, Достоевский, Фейхтвангер, Томас Манн — вот гигантские образцы

того, как должен подходить к своей работе сейчас каждый писатель.

«Писатель-научник», писатель-философ видит дальше, угадывает вернее. Взрывоподобное развитие науки застало человечество врасплох. Лучшие умы человечества силятся ныне осмыслить этот процесс и научиться управлять им. Рано или поздно это им удастся. Что же касается не лучших умов, то они либо, как и встарь, на все плюют, либо по невежеству устраивают облавы на узкие брюки и участвуют в диспутах псевдофизиков против псевдолириков. Время сейчас сложное. Писатель должен пристально следить за социальной действенностью всех явлений жизни, прогресса науки; он должен первый привлечь внимание к росткам прекрасного нового, первым предупредить о возможной, никем еще не осознанной угрозе. Это может сделать только писатель, вооруженный знанием. Хочется добавить — современным знанием. К сожалению, таких писателей пока прискорбно мало.

Что же касается роли науки в нашем творчестве, в творчестве братьев Стругацких, то добавить к уже сказанному, пожалуй, нечего.

Считается, что мы пишем о будущем, строим модели грядущих существований. Это, однако, не совсем так. Во всяком случае, для наших последних произведений: «Стажеры», «Попытка к бегству», «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом». Акинари Уэда сказал как-то: «Настоящее можно узреть в глубокой древности». У него был свой метод, через столетие примененный Фейхтвангером. А мы поступаем немного по-другому — протягиваем элементы настоящего в более или менее отдаленное будущее. Нам представляется, что такой метод позволяет более отчетливо увидеть эти интересующие нас элементы. Но это, разумеется, не единственно возможный метод.

Очень хочется написать о многом.

О далеком будущем с его колоссальными проблемами, которые мы сейчас не в состоянии разрешить, но уже можем поставить, о будущем, которое предстает перед нами не как смутное розовое марево над болотом всеобщей успокоенности, а как великолепный и грозный мир чело-

веческого духа, озаряемый молниями великих задач и дел, мир невиданных взрывов коллективного гения, мир поражающих воображение судеб и характеров.

О близком будущем, о великой эпохе человеческой истории, которая даст нашим потомкам мир и безопасность, об эпохе победоносного сражения с мещанством — сражения, о котором так хорошо сказал Паустовский: «Человек с рефлексом вместо души, человек плотоядный, зараженный эгоцентризмом, должен быть уничтожен. Посмотрим, кто кого пересилит. Мы сильнее своим гневом и непримиримостью, они — жадностью и волосатым кулаком». Мещанин в человеке будет уничтожен. Он не выдержит борьбы с развивающейся экономикой и наукой о воспитании человека в человеке.

И о нашем времени хочется написать, о нелегком и суровом, когда миллионы испытываются на прочность, создавая фундамент будущего. О времени проблем, требующих немедленного разрешения, о времени удивительно интересных, хотя и противоречивых людей, решающих эти проблемы.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

ФАНТАСТИКА — ЛИТЕРАТУРА*

(Из материалов дискуссии, состоявшейся в январе 1965 года в ленинградском Доме детской книги)

Фантастика как явление в литературе существует уже много лет (по крайней мере со времен Ж. Верна), но по сей день не прекращаются споры: зачем она, какими проблемами ей надлежит заниматься и в чем ее суть. На первый взгляд может показаться, что споры эти являются чисто литературоведческими и не могут оказывать существенного влияния ни на работу писателей-фанта-

* **Источник:** Стругацкий А., Стругацкий Б. Куда ж нам плыть? — Волгоград, 1991. (Первопубликация в сборнике: О литературе для детей. Вып. 10. — Л.: Детская литература, 1965.)